

Вячеслав ПЬЕЦУХ:

Жене и собаке я нужен как литератор

Несвяточные мысли в один святочный вечерок

Вчера в литературно-художественном клубе «Домик Чехова», что в Москве на Малой Дмитровке, прошел вечер святочного рассказа. Святки, начавшись сразу после православного Рождества, заканчиваются на Крещение. Когда-то все газеты и журналы непременно печатали святочные рассказы. Их писали практически все русские писатели. Требования были таковы: действие должно было происходить на Святки, быть хотя бы частично фантастическим, смешным или трогательным и все должно было хорошо кончаться. «Домик Чехова» попытался возродить утраченную традицию. Писатели читали собственные рассказы, которые с той или иной степенью можно отнести к святочным. С одним из них, Вячеславом ПЬЕЦУХОМ, удалось накануне встретиться обозревателю «Известий».

— Специально святочных рассказов я не писал, да мне их никто и не заказывал. Антону Павловичу Чехову — заказывали, вообще была культура святочного рассказа. Их писали из самых разных соображений, в том числе, конечно, меркантильных. На святочные рассказы был устойчивый спрос, а труд писателя стоил тогда несравнимо с тем, что он стоит теперь.

— Несравнимо больше?

— Порядками! И я очень хорошо понимаю наших, так сказать, «праотцев» по литературному департаменту, которые серьезно и с удовольствием этим занимались. Сегодня традиция ушла, этот вечер — попытка ее возродить. Не думаю, что серьезно, — так, забавы ради.

— Вы написали к вечеру что-то новое?

— Я таких коротких рассказов давно не пишу.

— На Букера метите?

— А я и романов не пишу. Поэтому не вписываюсь ни в ка-

кую премию, отчего и страдаю. Прочту что-нибудь старенькое, постараюсь — в традиции святочного рассказа. То есть чтобы было и страшно, и смешно.

— И чтобы непременно хеппи-энд.

— Хеппи-энд по-русски — это что-то двусмысленное...

— С другой стороны, в обществе есть потребность в таком глобальном хеппи-энде. Надоело все время куда-то двигаться — то ли в пропасть падать, то ли в гору карабкаться. Хочется уже чего-то большого и чистого.

— Может быть, и так. Демократизация и свобода слова применительно к писательскому творчеству привели к господству того, что называется отвратительным словом «чернуха». Но любые попытки, скажем, в кинематографе выйти на что-то светлое и смешное кончаются полным фиаско.

— Например, «Сибирским ширьюльником».

— Я этого не говорил, вы ска-

ВИКТОР АХЛОМОВ

зали. А вот попыток в литературе я не отслеживал, может быть, их и не было — кино более рыночный вид искусства. С другой стороны, наши этатические эксперименты всегда приводили к поражениям, поэтому у нации уже просто нет сил на то, что мы называем оптимизмом и потребностью в хеппи-энде.

— А не кажется ли вам, что вот этот вечер святочного рассказа, другие попытки вернуться к той или иной традиции как-то связаны с пресловутой русской идеей, с которой еще пару-тройку лет назад носились все кому не лень?

— Не думаю. Мне кажется, происхождение этой идеи чисто техническое. Вот есть такая институция — «Домик Чехова». Есть люди — крошечный штат этого домика. А что еще могли эти люди придумать 17 января, кроме как устроить вечер святочного рассказа? Тем более что

мы все, я имею в виду писатели своего поколения — друзей этого домика, любим и умеем шалить.

— Шалите с историей, с русской литературой.

— Ничего я не шалю. То, что я сочиняю, — это смесь цианистого калия с анальгином. А вернувшись к теме вечера святочного рассказа, хочу сказать: это не попытка возрождения, не новый тренд, не попытка найти какой-то новый путь. Просто соберутся почти родные люди, давно друг друга знающие, можно сказать, друг другу надоевшие: мы годами встречаемся практически в одном и том же составе.

— Вячеслав Алексеевич, первые святки третьего тысячелетия оказались для вас связаны с литературой. Останется ли вы и в новом тысячелетии «бумажным» писателем или попытаетесь в духе времени заигрывать с Интернетом?

— Для меня эта сфера чуждая и не близкая ни на грош. Возможно, потому, что я ее не знаю. Я пишу каждый день по-прежнему на бумаге. Правда, не от руки, а на машинке, причем электронной. Так что в этом смысле я традиционалист.

— Ваш прогноз: сколько еще протянут наши с вами любимые толстые журналы, да и книжки — в том виде, к которому мы привыкли?

— Я не Кассандра, не Нострадамус и даже не маркиз де Кюстин. Хотя и хотелось бы, чтобы

человечество пережило новое Средневековье, которое, с моей точки зрения, катит в глаза. Может быть, общество действительно развивается по Марксу, витками. Ведь как было? В течение тысячи лет культура в нашем, современном понимании отсутствовала, хотя какая-то своя, глубинная, черная культура существовала всегда. Потом вдруг расцвет. Взять XIX век. Ведь это просто взрыв всего — от моды до литературы. Потом декаданс первой половины XX века, а затем полный мрак второй его половины. Сейчас вот новое Средневековье, абсолютно тупое, компьютеризированное, отравленное меркантильным интересом. И вдруг — опять новое Возрождение. Новый Микеланджело, новый Паскаль.

— Новый Моцарт родится — и уже заживем!

— И это не исключено. Как не исключено и то, что культура исчерпала свою энергию, изжила себя, превратилась в присадку к генетическому коду и существует лишь на чисто биологическом уровне. Может быть, ее конечной целью было относительное облагораживание человека, чтобы он стал относительно безвреден — как плохо воспитанная собака. Можно ли написать что-то сильнее, чем «Преступление и наказание» или «Война и мир»? Или чем наша великая поэзия? Наше поколение — тормозной путь, перепев уже написанного. Культура кончается, и это уже навсегда. Мы долго ис-

кусственно оставались самой культурной нацией на Земле благодаря некоей скорлупе. И когда она рухнула, читатели немедленно перестали читать. А писатели начали писать через пень-колоду, главным образом — чепуху собачью. Началась нормальная жизнь: люди начали думать о семье, о деньгах, о доме, о даче, об автомобиле. Может быть, так и надо. Еще Герцен говорил, что не надо строить иллюзий: венец творения — мешанин.

— Подозреваю, что и ваши, и Александра Ивановича Герцена слова продиктованы не сердцем. Возможно, разумом?

— Умом я понимаю, что возможны два вектора развития. А по департаменту сердца по-настоящему огорчен и оскорблен эпохой. Прожить жизнь в литературе, да и просто прожить четыре пятых жизни — и оказаться лишним человеком... Мы же, в сущности, лишние люди, никому, кроме жены и собаки, не нужные.

— Ну, может быть, еще близнецу кругу?

— Нет, жене и собаке я еще нужен и как литератор, а друзьям — только как друг.

— Но вы же друг друга читаете?

— Уже нет.

— Как бы сказала современная молодежь: как все запущено!

— Ну нет, запущено только чтение друзей. Все остальное в порядке.

Юлия ПАХАЕВА